

1 МАРТА 1881 ГОДА И ВОЗРОЖДЕНИЕ НАРОДНИЧЕСКОГО АПОЛИТИЗМА

Г. Н. Мокшин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 8 февраля 2024 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме эволюции народнической мысли после цареубийства 1 марта 1881 г. Анализируются взгляды народников-культурников на задачи демократической интеллигенции в условиях политической реакции и спада политической активности противников самодержавия. Уточняются причины возрождения народнического аполитизма и его обоснование первыми теоретиками «малых дел». Устанавливаются сильные и слабые стороны культурнической программы народников начала 1880-х гг.

Ключевые слова: 1 марта 1881 г., интеллигенция, народники-культурники, аполитизм, теория «малых дел».

Abstract: the article is devoted to the problem of the evolution of populist thought after the March 1, 1881 tsareuicide. The views of populist-culturalists on the tasks of democratic intelligentsia in the conditions of political reaction and the decline of political activity of the opponents of autocracy are analyzed. The reasons for the revival of populist apolitism and its justification by the first theorists of «small affairs» are clarified. The author establishes the strengths and weaknesses of the cultural program of the populists of the early 1880s.

Key words: March 1, 1881, intelligentsia, populist-culturalists, apolitism, theory of «small deeds».

Цареубийство 1 марта 1881 г. – переломное событие в истории пореформенной России, положившее конец либеральной эпохе Александра II. Отразилось оно и на истории народнического движения. С приходом к власти Александра III и началом политической реакции в среде так называемой «передовой» русской интеллигенции инициатива постепенно переходит от революционных народников к легальным народникам-реформистам.

В советской историографии поправление народничества 1880-х гг. оценивалось как начало его упадка и вырождения. В настоящее время преобладает концепция поступательного развития народнической мысли, которое привело к верификации ее идейных основ, включая отказ от идеи насильственного перехода к социализму. Но этот процесс рассматривается преимущественно с позиции сторонников политической демократизации страны во главе с Н. К. Михайловским [1]. А между тем идейную окраску эпохи дала теория «малых дел», отстаиваемая идеологами «культурной работы» в народе – И. И. Каблицем, Л. Е. Оболенским, В. С. Пругавиным, С. А. Приклонским, Я. В. Абрамовым и др. В начале XX в. это течение народнической мысли получило название «культурное» народничество [2].

В исторической литературе основоположником теории «малых дел» считается Я. В. Абрамов (второе ее наименование – «абрамовщина»), т. е. возникновение данной теории относится ко второй половине 1880-х гг. Хотя эта точка зрения еще в конце 1970-х гг. была поставлена под сомнение В. И. Харламовым. По мнению исследователя, формирование идеологии «малых дел» началось на рубеже 1870/80-х гг. стараниями И. И. Каблицы и его идейного окружения [3, с. 10].

Очевидно, что условия и причины возрождения в народничестве аполитизма нуждаются в более подробном изучении.

Для начала следует уточнить, что такое народнический аполитизм и в чем его отличие от политизма. Дело в том, что слово «аполитизм» означает отказ от участия в общественно-политической жизни страны и сосредоточение на мирной культурнической деятельности (просвещение народа, забота об улучшении его материального положения и т. д.). Однако применительно к народничеству, которое изначально находилось в оппозиции к власти, аполитизм – это не «примирение с действительностью», а особая тактика борьбы за освобождение народных масс, опирающаяся на принцип «все для народа и через народ». В 1870-е гг., руководствуясь данным принципом, народники пытались поднять народ на революцию. И лишь пассивность русского мужика, который оказался не революционером, а монархистом, побудила

народовольцев перейти к политической борьбе с самодержавием «для народа, но уже без народа». Тогда же возникает и культурное народничество как антитеза политическому насилию, в том числе и над народом, который еще не готов к радикальным социалистическим преобразованиям.

До 1 марта 1881 г. ни о каком расколе между народниками-политиками и народниками-культурниками не было и речи. И те и другие ожидали, что народовольческий террор заставит власть пойти на уступки обществу или произойдет революционный взрыв, который сметет существующий в России антинародный строй.

Накануне 1 марта 1881 г. Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко и Г. И. Успенский обсуждали вопрос о готовящемся покушении на Александра II, уверяя друг друга, что революционерам надо спешить, так как, несмотря на конспирацию, слухи расползлись по всему городу. В шесть часов вечера в день царевбийства упомянутые литераторы и «кое-кто из революционеров» собирались на квартире Н. В. Шелгунова. Николай Русанов вспоминал впоследствии, что, добираясь туда, услышал, как «один извозчик закричал другому, везшему его приятеля из “Отечественных записок” (предположительно С. Н. Кривенко, с которым он был дружен. – Г. М.): “Ванька, дьявол, буде тебе бар возить: государя на четыре части разорвало”». Большинство присутствующей на совещании литературной братии «отдавалось... всецело чувству радости», надеясь, что будет революция [4, с. 44].

Даже самый яростный критик «псевдонродничества» народовольцев Иосиф Каблиц (Юзов) «ждал восстания, ...выступления студентов с красным знаменем» и в глубине души радовался, что Александра II убили, и тот не успел дать стране так называемую «конституцию» (М. Т. Лорис-Меликова), которая не могла удовлетворить ни революционеров, ни народ [5, с. 154].

Положение изменилось, когда вместо революции в стране началась политическая реакция и жуткая интеллигентофобия. С. Н. Кривенко писал тогда на страницах «Отечественных записок», что речь уже идет о полном «истреблении» интеллигенции, как волков в Англии (официально считается, что последний волк был убит там в 1880 г.) [6, с. 313]. А все попытки доказать, что интеллигенция борется с властью во имя народа, а не собственных корыстных интересов, успеха не имели.

В этих условиях разворачивается очередной кризис самосознания народнической интеллигенции, который на этот раз приобрел вид дилеммы: какой общественный деятель нужен России, «герой», борющийся с произволом власть предержащих, или рядовой «труженик» (учитель, врач, агроном)?

«Прочное и истинное развитие общества, – писал в марте 1881 г. ведущий публицист народнического журнала «Мысль» Л. Е. Оболенский, – ...есть развитие в духе, чувствах, верованиях и симпатиях большинства данного общества. Кто ж это большинство в России? Это – крестьянская масса, так называемых серяков, многомиллионная православная масса русского народа, любящего своего Царя и верящая в то, что всякое благо придет к ней только через его власть, т. е. добровольно будет даровано им... Человек интеллигенции, который не хочет стать отщепенцем и врагом народа, не должен и не может идти вопреки его симпатиям и верованиям. Только идя в такт с этими симпатиями и верованиями, интеллигенция станет не отрезанным ломтем русского народа, а истинной народной силой, народной красотой и гордостью. Это не значит, что интеллигенция наша должна отказаться от своей науки и искусства, от своего образования и развития, это вовсе не значит, что она должна проникнуться народными предрассудками и невежеством. Предрассудки и невежество народа, это вовсе не то, что его исторические, выработанные веками, симпатии, верования и идеи» [7, с. 420].

Конечно, передовая печать продолжала отстаивать программу политической демократизации страны. Но даже в народническом подполье все сильнее раздаются голоса о необходимости возрождения революционного культурничества (в смысле пропаганды в массах своих идей), т. е. перенесения революционной деятельности обратно в народ. Особенно настаивали на этом поздние чернопредельцы [8, с. 624]. Однако после полного разгрома «Народной воли» и закрытия «Отечественных записок» в 1884 г. чаша весов окончательно склонилась в сторону легальных народников-культурников.

В современной исторической литературе под народниками-культурниками принято понимать представителей умеренно правого крыла русского народничества, ядро которого группировалось вокруг газеты «Неделя» [9, с. 82].

Главная отличительная черта идеологии «Недели» – это аполитизм. В 1884 г. издатель газеты П. А. Гайдебуров так прямо и напишет, что возглавляемое им издание никогда не стремилось играть активной политической роли, «ставя на первый план разработку тех основных, культурных задач русской жизни, которые не зависят ни от каких политических режимов, а, напротив, сами, в конце концов, управляют ими» [10, стб. 1419].

Теоретическим обоснованием идеологии «Недели» и ее аполитизма становится так называемая теория «малых дел». Как известно, название этой теории придумал Н. В. Шелгунов в самом конце 1880-х гг. Он же первым интерпретировал ее суть как

полный отказ от идеи пересоздания общественного строя (настоящего «большого дела») и сосредоточение общественного внимания и энергии на «маленьких делах» (заботе о народном просвещении и здравоохранении, поддержке крестьянского хозяйства, борьбе с кулачеством и т. п.) [11, с. 181, 182].

В данном определении обращает на себя внимание четкое противопоставление «малых» и «больших дел», призванное подчеркнуть правоту позиции сторонников политической борьбы. Якобы народники-культурники пекутся лишь о приспособлении народа к новым условиям жизни, вместо того чтобы пытаться их изменить, т. е. предлагают лечение симптомов «народных болезней», а не их причин. Именно такое понимание теории «малых дел» утвердилось и в отечественной историографии народничества [12].

В действительности в основе теории «малых дел», а точнее «культурной работы», лежала идея о том, что *внутреннее* развитие народа, его культуры и самодеятельности есть основное условие (и рычаг) его *внешнего* освобождения. Одним из первых эту мысль высказал А. И. Герцен в 1869 г. в письме к М. А. Бакунину [13, с. 42]. В то же время культурническая интерпретация народничества как реакция на действия народовольцев имела свои особенности.

Первопричинами экономической и культурной отсталости России народники-культурники считали не отсутствие в стране политических свобод, а невежество и бедность основного ее населения. Неудачный опыт революционных народников показал невозможность освобождения народа от «гнета» самодержавия до тех пор, пока для этого не будут созданы необходимые внутренние предпосылки, включая изменение политического мирозерцания крестьянства. А этого невозможно было достигнуть, минуя кропотливую работу по общему подъему материальной и духовной культуры простого народа. Цель «культурной работы» как раз и заключалась в подъеме общего уровня жизни простого народа, в развитии его самодеятельности и инициативы. Вооружив крестьянство «культурными средствами» борьбы за существование (образование, новейшая техника, интенсивное хозяйство), народники-культурники надеялись привести его к такому состоянию, когда оно само будет в силах справиться со своими материальными и моральными «болезнями» и нуждами. Фактически это был возврат к тактическому принципу 1870-х гг. «для народа и через народ», но на новой теоретической платформе.

На страницах легальной печати народники-культурники 1880-х гг. взялись за разработку ряда важных для всей народнической интеллигенции вопросов: о русском капитализме, крестьянской общине и положении крестьянского хозяйства, взаимоотношениях власти, общества и народа, новых задачах деятель-

ности интеллигенции в деревне. Однако для превращения в ведущее течение народнической мысли культурному народничеству нужна была и новая стратегия общественных преобразований страны, а именно: теоретическое обоснование необходимости и возможности продолжения борьбы за осуществление социалистического идеала на почве существующих общественных порядков.

Разрешение данной задачи требовало полного разрыва со сторонниками политической борьбы с самоудержанием. В начале 1880-х гг. на это оказался способен только Иосиф Каблиц – автор печально знаменитых «Основ народничества» (СПб., 1882). Неслучайно становление и развитие идеологии культурного народничества в 1880–1890-е гг. шло справа налево: от первого его сложившегося идеолога И. И. Каблицы к центристу Я. В. Абрамову и далее к С. Н. Кривенко, который в начале 1880-х гг. был еще тесно связан с Н. К. Михайловским и народовольцами [14].

Сотрудничество Каблицы в правонароднической «Неделе» началось в 1878 г. До этого он был убежденным бакунистом, в середине 1870-х гг. ходил «в народ», потом поддерживал землевольцев, отстаивая их программу в дискуссиях с народниками-пропагандистами. От своего духовного наставника М. А. Бакунина Иосиф Каблиц приобрел глубокую веру в русский народ и его возможность устроить свою жизнь самостоятельно, без «руководительства» со стороны интеллигенции. Поэтому, когда в конце 1870-х гг. началась политизация народничества и возникла «Народная воля», Каблиц отошел от участия в революционном движении и сосредоточил свои усилия на критике идеи руководящей роли интеллигенции в общественной жизни страны.

Именно Каблиц-Юзов в 1880 г. задался сакральным для радикальной русской интеллигенции вопросом: «Что такое народничество?» и дал социологическое обоснование теории «малых дел»: необходимость согласования содержания и темпов общественных преобразований с уровнем развития народа. Истинное народничество, по Каблицу, заключалось в том, чтобы смотреть на задачи русской жизни «глазами мужика», т. е. помочь ему осуществить то, что он сам желает. А вот навязывать народу свою волю (как, по его мнению, делали «народовольцы») – это лженародничество. Следуя таким путем, интеллигенция рискует превратиться в худшего и опаснейшего врага народа, каким до сих пор являлась царская бюрократия [15; 16, с. 48, 82, 128].

Практическая программа крайне правого народничества, впервые сформулированная Каблицем и его единомышленниками – «юзовцами» (Л. Е. Оболенский, В. С. Пругавин, К. В. Лаврский и др.), включала следующее:

- отказ от мысли поднять народ на революцию;
- провозглашение необходимости неотложной помощи народу;
- пропаганда общинных и артельных форм хозяйствования;
- призыв к нравственному самосовершенствованию интеллигенции;
- отказ от унынья и разочарования, охватившего значительные слои населения в период политических репрессий правительства;
- призыв к культурной работе «засучив рукава» [17, с. 50].

Однако И. И. Каблиц так и не смог стать властителем дум тогдашней русской интеллигенции как раз по причине крайности своей позиции. Недооценка роли интеллигенции и излишняя идеализация русского народа до сих пор дает историкам право обвинять его в интеллигентофобии и национализме [18, с. 268; 19, с. 75, 79]. А современники отзывались о Каблице намного резче, назвав его книгу «Основы народничества» «тошнотворной» [20, с. 303].

Слабость программы преобразований первых теоретиков «малых дел» заключалась прежде всего в недооценке значения *внешних условий* для ее осуществления, в чем их постоянно упрекали идейные противники. Весь предыдущий опыт пребывания интеллигенции в деревне убеждал ее в том, что «книжки и аптечки» не в состоянии избавить народ от его страданий, а отсутствие у «культурных одиночек» прочной опоры (на земство тогда еще было мало надежды) не позволяет им закрепиться в провинции на более или менее продолжительное время.

Был у культурнической программы народников начала 1880-х гг. и еще один существенный недостаток. Это акцентирование внимания лишь на обеспечении экономической самостоятельности народа (укрепление общины, расширение земельных наделов, снижение налогового бремени и т. п.) и категорический отказ от воздействия на его мировоззрение, на том основании, что это приведет к разрушению традиционных нравственных ценностей деревни, в том числе чувства коллективизма. Задача разработки широкой программы «культурной работы», включая расширение умственного кругозора мужика и круга его культурных потребностей, была решена лишь во второй половине 1880-х гг. стараниями Я. В. Абрамова.

Итак, мартовские события 1881 г. привели передовую русскую интеллигенцию к серьезному идейному кризису. Новые обстоятельства «места» и «времени» (а это не только изменение курса внутренней политики, но и развитие в народе и обществе устойчивых антиинтеллигентских настроений) потребовали от «теоретиков инакомыслия» 1880-х гг. коррекции целей и средств. Вот почему новое поко-

ление народнических идеологов поставило вопросы о необходимости:

- отказа от непосредственного введения в России социализма из-за отсутствия для него социокультурных предпосылок (способности народа стать движущей силой этого процесса);
- осознания действительных нужд и потребностей основного населения страны и их первоочередного удовлетворения как реального пути сближения демократической интеллигенции с трудящимися массами;
- подготовки интеллигенции к новому «хождению в народ» на «культурную работу» (ее цель – развитие самостоятельности трудящихся масс при помощи системы экономических и культурно-просветительских мероприятий);
- опоры на рядовых членов так называемого образованного общества (врачей, учителей, агрономов, технологов и т. д.), а не только на «критически мыслящих личностей»;
- конструктивной оппозиции власти, позволяющей использовать ее потенциал для подготовки радикальных социальных преобразований (к тезису о надклассовости самодержавия революционные и легальные народники пришли еще на рубеже 1870–1880-х гг.).

На почве этих новых идейно-тактических ориентиров теоретики «малых дел» (И. И. Каблиц, Л. Е. Оболенский, Я. В. Абрамов и др.) произвели индуктивную верификацию исходных положений идеологии действенного народничества. В частности, были пересмотрены прежние представления об общественном устройстве (народе, обществе и власти) и путях его преобразований, что позволило расширить социальную базу движения за счет вовлечения в него земской интеллигенции.

В 1880–1890-е гг., откликнувшись на призывы заняться созидательным трудом в провинции, русская интеллигенция наконец-то нашла опору своей жизнедеятельности. «Лишние люди», став «народными» врачами, учителями и агрономами, впервые превратились в живую силу общественного строительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокшин Г. Н. Основные концепции истории легального народничества в современной отечественной историографии / Г. Н. Мокшин // История и историография правого народничества : сб. статей. – Воронеж : Истоки, 2014. – С. 9–26.
2. Корсаков И. Заметки социалиста о текущем / И. Корсаков // Голос. – 1906. – № 14. – 7 июня.
3. Харламов В. И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблицы

/Юзова/ : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. И. Харламов. – М., 1980. – 18 с.

4. [Русанов Н. С.] Н. Р. Событие 1-го марта и Н. В. Шелгунов / [Н. С. Русанов] // Былое. – 1906. – № 3. – С. 41–47.

5. Ясинский Иер. Роман моей жизни. Книга воспоминаний / Иер. Ясинский. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. – 360 с.

6. Кривенко С. Н. Собр. соч. : в 2 т. / С. Н. Кривенко. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1911. – Т. 2. – 456 с.

7. [Оболенский Л. Е.] Ред. Первое марта 1881 года. Куда идти теперь? / [Л. Е. Оболенский] // Мысль. – 1881. – № 3. – С. 415–421.

8. Опыт обоснования программы народников // Народническая экономическая литература. Избранные произведения. – М. : Соцэкгиз, 1958. – С. 610–630.

9. Мокшин Г. Н. Кто такие народники-культурники? / Г. Н. Мокшин // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2016. – № 3. – С. 82–86.

10. [Гайдебуров П. А.] От редакции / [П. А. Гайдебуров] // Неделя. – 1884. – № 43. – Стб. 1419.

11. [Шелгунов Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни / [Н. В. Шелгунов] // Русская мысль. – 1890. – № 1. – С. 179–198.

12. Мокшин Г. Н. Проблема реконструкции теории «малых дел» в отечественном народниковедении / Г. Н. Мокшин // Народники в истории России : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. – С. 20–36.

13. Герцен А. И. К старому товарищу / А. И. Герцен // Пророческие слова о русской революции. – Воронеж : ВГУ, 1992. – С. 30–45.

14. Мокшин Г. Н. Типология течений культурного народничества / Г. Н. Мокшин // Вестник Омск. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2020. – Т. 7, № 4 (28). – С. 14–23.

15. [Каблиц И. И.] Что такое народничество? / [И. И. Каблиц] // Неделя. – 1880. – № 31. – Стб. 981–986.

16. Каблиц И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России / И. Каблиц. – СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1886. – 305 с.

17. Харламов В. И. Каблиц (Юзов) и проблема «народ и интеллигенция» в легальном народничестве на рубеже 70–80-х годов XIX в. / В. И. Харламов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. – 1980. – № 4. – С. 39–53.

18. Колоницкий Б. И. «Интеллигентофобия» в конце XIX – начале XX в. : к постановке вопроса / Б. И. Колоницкий // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. – СПб. : Алетей, 1999. – С. 266–275.

19. Кудряшев В. Н. Национальная составляющая проектов развития России в трудах либеральных народников (1870–1890-е гг.) / В. Н. Кудряшев // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2012. – № 3. – С. 69–80.

20. Аптекман О. Общество «Земля и воля» 70-х гг. : по личным воспоминаниям / О. Аптекман. – Пгр. : Колос, 1924. – 459 с.

*Воронежский государственный университет
Мокшин Г. Н., доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
E-mail: mok410@mail.ru*

*Voronezh State University
Mokshin G. N., Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Russian History Department
E-mail: mok410@mail.ru*